

Большие полотна в поэзии Некрасова 70-х годов. Тема друзей народа и ее развитие в поэмах «Дедушка» и «Русские женщины»

70-е годы явились, как известно, эпохой, характеризуемой нарастанием революционного движения. В лирике Некрасова этих лет, год от года усиливаясь, звучат революционные мотивы. Поэтому вполне естественно и закономерно, что и в созданных им в 70-е годы больших эпических поэмах революционная тема нашла чрезвычайно яркое выражение.

Прежде всего следует отметить, что его две поэмы о декабристах и декабристках — «Дедушка» и «Русские женщины» — относятся к периоду, когда революционные элементы русской общественности уже готовы были перейти к самой беспощадной борьбе против существующего порядка, а во Франции разгорался, а затем ярко запылал ослепительный светоч Парижской Коммуны.

И «Дедушка» и «Русские женщины» — историко-революционные поэмы. Поворот Некрасова к исторической тематике на первый взгляд представляется несколько неожиданным. Ведь тяга к современности, подчас самой злободневной современности — отличительная черта его поэзии. И не случайно, еще на заре своей творческой деятельности, одно из своих произведений он назвал «Современной одой», а другое — «опытом современной баллады». «Современность» — это один из основных лозунгов Некрасова как поэта. И вдруг этот столь тяготеющий к современности поэт обращается к исторической тематике?! Не указывает ли это на некий поворот в его творчестве? Думается, что никакого поворота тут нет. Дело в том, что, перейдя к исторической тематике, Некрасов руководствовался не стремлением к уходу от современности, а стремлением подойти к ней с той стороны, с какой это представлялось

ему желательным и возможным. Нет надобности доказывать, что поэт такого склада, таких взглядов, как Некрасов, не мог не испытывать в 70-е годы жгучей потребности изобразить именно революционную современность. Тем более, что как раз в это время он получил ряд новых и неопровержимых доказательств того, что то решение «проблемы положительного героя», которое он намечал 14—15 лет тому назад, работая над поэмой «Несчастные» («положительный герой», в котором так нуждается русский народ, это — революционер, демократ, патриот), абсолютно правильно. Но провести через цензурные скалы и мели образ такого именно «положительного героя» нечего было и думать. В результате создалось такое положение вещей, при котором предстояло или вовсе отказаться от изображения революционных борцов современности, или показать их сквозь призму исторического прошлого. Первый исход был для Некрасова абсолютно неприемлем, ибо привел бы к тому, что самая жгучая тема современности не нашла бы достаточного отражения в его творчестве. Вторым был избран Некрасовым, хотя поэт не мог не понимать, с какими исключительными трудностями ему предстоит встретиться. Трудности неизбежно должны были встать на его пути, ибо, избрав историческую тему, — в данном случае изображение декабристов и декабристок, — он как художник-реалист не мог погрешить против исторической правды. Следуя же исторической правде, он рисковал отойти от современности, так как эпоха декабристов (20-е годы) резко отличалась от эпохи современных Некрасову революционных деятелей (70-е годы), а образы «первенцев русской свободы» далеко не совпадали с образами революционеров-семидесятников. Некрасову удалось преодолеть эти трудности, сосредоточив свое творческое внимание на таких сторонах образов декабристов, которые, в известной мере, передалась и образам революционеров-семидесятников. Через головы декабристов и декабристок Некрасов как бы обращался к революционным деятелям и деятельницам современности с призывом так же честно и самоотверженно служить революционному делу, которое в то же время было и народным делом, как служили ему в представлении поэта лучшие из декабристов и декабристок. Чтобы избежать при этом призыве фальшивых нот, Некрасов должен был дать отнюдь неискаженные с точки зрения исторической достоверности образы своих героев и героинь, а вместе с тем подчеркнуть в их обликах такие черты, которые роднили их с революционной современностью. Задача, что и говорить, очень трудная, и если Некрасов в основном удачно разрешил

ее, то это лишний раз свидетельствует об истинно титанических размерах его поэтического дарования.

Но в данном случае одним «поэтическим дарованием», как бы велико оно ни было, невозможно было обойтись. Нужно было еще изучить сравнительно отдаленную эпоху, каковою в 70-е годы являлась эпоха 20-х годов. Некрасов энергично принялся за это изучение, опираясь на широкое знакомство с исторической литературой, за которой не мог не следить как редактор «Современника» и «Отечественных записок». Не будет преувеличением сказать, что Некрасову были в достаточной степени широко известны исторические работы о декабристах и их эпохе, появившиеся как в России, так и за границей. Мы подчеркиваем «за границей», ибо в таких изданиях, как «Полярная звезда» и «Колокол», декабристской теме уделялось очень большое внимание. Много дали Некрасову и мемуары. В некоторых литературоведческих работах, в том числе и в работах автора этих строк, разъяснено, что при работе над поэмами «Дедушка» и «Княгиня Трубецкая» Некрасову существенно помогли мемуары бар. Розена, а при работе над «Княгиней Волконской» исключительное значение имели для него «Записки кн. М. Н. Волконской». Затем было бы неправильно не учитывать и некоторых личных знакомств поэта. Известно, что Некрасов был лично знаком с отдельными представителями декабристского движения, например, с бар. Розеном и Назимовым, что с кн. М. С. Волконским (сыном одного из главарей Южного общества) его связывали узы многолетнего участия в охотах в окрестностях Петербурга, во время которых дело, конечно, не обходилось без упоминаний, а может быть и разговоров о декабрьских событиях и участниках. Доктор Белоголовый, впоследствии сделавшийся постоянно пользовавшимся Некрасова врачом, свои детские годы провел в Сибири, в кругу сосланных декабристов и их семейств. Его перу принадлежат весьма ценные воспоминания о сосланных декабристах. Правда, эти воспоминания были написаны Белоголовым много позднее, но трудно себе представить, чтобы устные рассказы Белоголового о декабристах оставались неизвестными Некрасову.

Во всяком случае, историческая основа поэм Некрасова не возбуждает ни малейших сомнений и в большинстве случаев: прощупывается совершенно явственно. Однако как поэт огромного дарования, к тому же как общественный деятель определенного лагеря Некрасов не мог и не хотел ограничиться ролью перелазгателя исторических фактов. Он дал этим фактам определенное истолкование и освещение, а кроме того,

не заграждал дороги собственному свободному вдохновению, когда это не вело к искажению исторической правды.

Остановимся на каждой из исторических поэм Некрасова в отдельности.

Идейная направленность поэмы «Дедушка» наиболее ярко выражена в следующем четверостишии:

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных —
Видеть довольство вокруг.

Эти слова вложены поэтом в уста дедушки, «возвращенного декабриста». После тридцати лет пребывания в Сибири он не изменил своим убеждениям и попрежнему думает, что стремление к народному благу должно быть присуще всякому честному («благородному») гражданину своего отечества.

Если борьба за народное благо потребует жертв, то нельзя останавливаться перед ними. Равнодушное отношение к общественной неправде резко отвергается дедушкой. Рассказывая своему внуку о невыносимо тяжелом положении народа в аракчеевские времена, дедушка не однажды прерывает свой рассказ восклицаниями:

Кто же имеющий душу
Мог это вынести? .. кто?
.....
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы...

С общественной неправдой следует не мириться, а бороться. Эту мысль поэт четко выразил в строках:

Взрослые люди — не дети,
Трус — кто старицей не мстит;
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид...¹

но под давлением цензуры должен был изъять их из печатного текста.

Дедушка страстно любит родную природу и родной народ.

Он «землю целует», не будучи в силах при этом удержаться от слез.

Он

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рап,
.....
Первое дело у деда

¹ Цитируется по варианту.

Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет нетрудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.

Дедушка знает жизнь народа и верит в его лучшее будущее. С крестьянами, с солдатами он говорит как с равными себе людьми. Он ценит физический труд и охотно отдается ему. Желая помочь измученному пахотой крестьянину, он сам становится у плуга, и его внук убеждается, что дед умеет «отлично пахать».

Дедушка по возрасту принадлежит прошлому, но у него юная душа; он любит молодежь, верит в нее и умеет ее воспитывать в духе тех освободительных стремлений, которым он никогда не изменял. И не случайно поэма заканчивается рассказом о том, какое благотворное влияние оказал дедушка на маленького Сашу:

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему...
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра...

В лице Саши дедушка подготовил себе смену, будущего борца с «глупыми и злыми», заступника за народ.

В прежнее время иногда проявлялась тенденция рассматривать образ дедушки как образ «примирившегося» декабриста. В подтверждение делались ссылки на некролог прототипа дедушки кн. С. Г. Волконского, напечатанный в славянофильском «Дне», в котором говорилось, что кн. Волконский вернулся-де из ссылки «умудренным и примиренным». Однако изъятые цензурой четверостишие «Взрослые люди — не дети» в корне подрывает эту точку зрения. Совершенно ясно, что у Некрасова не было намерения изобразить дедушку как некоего раскаявшегося грешника. В подтверждение мы имеем возможность сослаться на прямое указание самого Некрасова в письме его к Лазаревскому от середины апреля 1872 года: «Этот дед... является одним из действительных деятелей... и притом выведен нераскаявшимся, т. е. таким же, как был».¹

Однако в поэме, кроме образа «дедушки» и его внука, есть еще один образ, уже не индивидуальный, а коллективный, — образ русского народа, без которого поэма потеряла

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, Н. А. Некрасов, т. I, Изд. АН СССР, М., 1946, стр. 506.

бы значительную часть своего идейного смысла. В 70-е годы демократическая направленность поэзии Некрасова достигла такого развития, что для него трудно, если не невозможно, было создавать произведения, не вводя в число действующих лиц представителей народной среды.

В «Дедушке» народ показан и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Картины прошлого до ужаса мрачны. Молодую крестьянку, стоявшую уже у аналоя («поп уже кольца менял»), барин, насильник и сластолюбец, делает своей подневольной наложницей, а ее жениха приказывает сдать в солдаты. Сыновья народа, затянутые в солдатские мундиры, подвергаются гнуснейшим издевательствам («Что ни начальник, то зверь!»). «Подлых подъячих орда» безжалостно давит «сок из народа».

Так было в прошлом — в аракчеевские времена.

Но и в настоящем, накануне «освобождения» (действие поэмы относится к этому именно времени) народу живется нелегко. «Пахарь угрюмый с темным убитым лицом», повстречавшийся дедушке, одет в лохмотья; и он и его клячонка еле живы «с голоду».

Как ни ужасно прошлое народа, как ни мрачно его настоящее, дедушка, а вместе с ним и автор, уверены в его светлом грядущем. Более того, грядущее — это дело рук самого народа. Завесу этого грядущего призваны приподнять великолепные строки поэмы, посвященные Тарбагатаю. Благодарствующий Тарбагатай — не типическое явление, Тарбагатай — это исключение. Смысл описания Тарбагатая в том, чтобы исключение стало типическим явлением.

Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..

Это диалог как бы призван свидетельствовать о том, что общественная миссия «возвращенного декабриста» — внушать молодому поколению стремление к тому, чтобы вся Россия превратилась в благодарствующий и цветущий Тарбагатай.

Однако что нужно для этого?

Некрасов сумел дать очень определенный ответ на этот вопрос. «Волю да землю им дали»,¹ — говорит дедушка,

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

объясняя то «чудо», воплощением которого явился Тарбагатай. Эти слова, кроме своего прямого смысла, имели и некий тайный смысл. «Земля и воля» — название революционной партии 60-х годов, с которой был тесно связан Чернышевский. Иными словами, Некрасов хотел сказать, что только путем реализации программы этой партии, определяемой ее названием, возможно превращение России в благоденствующий и цветущий Тарбагатай. Правда, при этом он подчеркнул еще одно необходимое для этого условие — труд, направляемый сильной и разумной человеческой волей:

Воля и труд человека
Дивные дивы творят!

А теперь несколько слов о художественной стороне поэмы. Яркость образов, живость диалогов, сила и выразительность языка говорят сами за себя. Необычайно удачна композиция поэмы, обусловившая динамизм в развитии ее действия и драматизм ее содержания. Настойчивые, полные непосредственного интереса вопросы Саши к родителям. Скорбно-смущенные их ответы. Радостное ожидание приезда деда и его приезд. Дружба деда с Сашей. Их совместные прогулки по берегам «русской великой реки». Картины природы, «милой с детства глазам». Мечты о светлом будущем народа. Рассказ о Тарбагатае. Встречи с пахарем, с солдатом. Воспоминания «дедушки» о безотрадном прошлом. Песни дедушки «о славном походе и о великой борьбе», «о свободном народе и о народе-рабе» и т. д.

Чередование событий, пейзажей, встреч, живых диалогов, проникновенных рассказов и песен деда, интерес которых обостряется постоянными вопросами внука, — держат внимание читателя в состоянии некоторого напряжения, и поэма читается с неослабевающим интересом.

Почему, однако, поэма не заканчивается, как ожидает читатель, рассказом деда о «печальной были»? Здесь, думается, не маловажную роль сыграли цензурные трудности. «Печальная быль» — это, ведь, события, в центре которых лежит подготовка к восстанию, самое восстание, жестокая расправа Николая I с восставшими, казнь одних, мученическая жизнь на каторге и в ссылке других, события, абсолютно не подлежащие, с точки зрения тогдашней цензуры, литературно-художественной обработке в духе полного и безусловного им сочувствия. А на иную обработку не пошел бы великий поэт революционной демократии. Однако и без рассказа о «печальной были» общественный смысл поэмы ясен.

То, что Некрасов не сказал в «Дедушке», сказано в «Русских женщинах».

В поэмах о Трубецкой и Волконской проводится тот же взгляд на социальные причины движения декабристов, что и в «Дедушке». Иркутский губернатор, убеждая кн. Трубецкую вернуться, говорит ей, что муж принес ее в жертву «пустому призраку». В пылу спора он называет ее «жалкой рабой» мужа. Княгиня с негодованием восклицает:

О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Кн. Трубецкая вполне оправдывает действия своего мужа, так как понимает, что в основе их лежит пламенная любовь к родине.

Мало того, Некрасов изображает кн. Трубецкую настолько сочувствующей революционной деятельности мужа, что вкладывает ей в уста следующее обращение к нему, не пропущенное целиком царской цензурой и только после Великой Октябрьской социалистической революции полностью включенное в текст поэмы:

«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча...»

И княгиня Волконская говорит, что «лучшую сердца любовь» она тогда подарила мужу, когда он был заключен в тюрьму, так как увидела в его деятельности воплощение самоотвержения, а в нем самом — носителя высокой и благородной идеи.

С наибольшей силой это отношение Волконской к мужу, всецело разделяемое и Некрасовым, проявляется в знаменитой сцене свидания с мужем в руднике:

... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал и умел он страдать!..

Невольно пред ним я склонила
Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

Нет надобности доказывать, что этой сценой Некрасов подчеркивает святость и величие революционного подвига.

Было бы, думается, неправильно обвинять Некрасова в том, что он искажил действительность, даже допуская, что образ кн. Трубецкой под его пером не вполне соответствует своему историческому прототипу. Если кн. Трубецкая в действительности не обладала столь ярко выраженными революционными убеждениями, если она не относилась с таким безграничным презрением к светскому обществу и Николаю I, этому «палачу свободных и святых», — то едва ли можно сомневаться, что в рядах участников декабристского движения и среди близких им женщин встречались люди непоколебимо революционных взглядов, страстно ненавидевшие царя и его приспешников. Нельзя забывать цель поэта — заразить пафосом революционного долга своих читателей.

Ставка Некрасова, как уже отмечалось выше, была ставкой на изображение таких представителей декабристского движения, которые, являясь наиболее революционно настроенными, предваряли, в известной мере, тип революционных борцов 70-х годов. Таким образом, не считаясь с исторической действительностью, поскольку речь шла об индивидуальном образе кн. Трубецкой, Некрасов не погрешил против нее, создав яркий образ человека революционного долга, активно протестующего против общественной обстановки, сложившейся в условиях деспотического правления.

В поэме «Княгиня Трубецкая» две части.

Первая начинается с рассказа об отъезде княгини, о прощании ее с отцом, в основной же части изображается ее трудное и далекое путешествие. Описание путешествия перемежается воспоминаниями княгини, граничащими с полусонными видениями. Ее первые воспоминания — о радостной юности, пышных балах, счастливом замужестве, путешествии с любимым мужем в Италию, неподражаемых красотах южной природы — под пером поэта превращаются в чудесные лирические стихотворения, отражающие настроения упивающейся жизнью молодой красавицы. Но тотчас же вслед за ними Некрасов рисует ряд контрастирующих картин.

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забывтой богом стороны:
Суровый господин

И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...

«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

И, как бы усиливая смысл этого воспоминания о возвращении на родину после путешествия по Италии, следует описание ряда дорожных впечатлений, относящихся к путешествию княгини по Сибири. Вот встреча с партией ссыльных под звуки «печального звона — кандалного звона», вот панорама «убогого» городка, одного «на триста верст», вот тундра с ее безрадостным пейзажем. Это уже не сны, а явь, горькая, ужасная явь. Под ее влиянием и видения княгини приобретают совершенно иной колорит. Перед ее взором проносятся события 14 декабря в Петербурге (классическое, единственное во всей русской поэзии описание восстания декабристов), посещение ею мужа, заключенного в Петропавловской крепости, с ее наводящей ужас обстановкой. А после ужаса, привидевшегося княгине, но восходящего к пережитым ею впечатлениям действительности, — новый ужас, ужас того, что ее окружает в данный момент наяву:

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел...

На этом кончается первая часть поэмы.

Мы остановились на ее композиции несколько подробнее, чтобы показать, к каким исключительно успешным результатам пришел Некрасов в своем изображении снов и яви. Однако так как в основе снов княгини — реально ею пережитое, то этот прием, обогатив поэму яркими контрастами, неподдельным драматизмом, повышающим ее интерес, ни в малой степени не противоречит реалистическому методу художника.

Вторая часть поэмы — это всем и каждому известный диалог княгини с губернатором, опять-таки возникший на несомненной, исторической основе (см. «Записки» бар. Розена). Он много дает для характеристики образа княгини как пламенной патриотки, как человека революционного долга, представляя в то же время незаурядный интерес ярким изображением старого служаки, заскорузлого бюрократа александровско-николаевской эпохи — иркутского губернатора. Ему предписано убедить княгиню вернуться — и он, по мере сил, усердствует в выполнении этого предписания; ему предписано чинить ей всякие препятствия в осуществлении ее намерения — и он не останавливается ни перед попыткой испугать ее «позором, ужасом, трудом этапного пути», ни перед попыткой задержать ее, сказавшись больным. Однако в сознании своей нравственной правоты, в сознании выполняемого ею высокого нравственного долга княгиня не только настаивает на своем, но даже, заставив губернатора проследиться и принять меры к ее скорейшему отъезду («Эй! запрягать, сейчас!»), одерживает над ним полную и несомненную моральную победу. Полная и несомненная моральная победа революционно настроенной героини над реакционным бюрократом — вот чем кончается поэма Некрасова. Конец этот облечен в такие формы, которые лишний раз свидетельствуют о том, что Некрасов был не только первоклассным поэтом, но и незаурядным драматургом.

Работа над поэмой «Княгиня Волконская», казалось бы, не должна была представлять для Некрасова особых затруднений, так как он широчайшим образом использовал в ней определивший в основном ее содержание источник — «Записки кн. М. Н. Волконской», с которыми под строжайшим секретом («Записки» в то время не только не были опубликованы, но и о существовании их мало кто знал) познакомил его сын автора «Записок» М. С. Волконский. На основе содержания «Записок» (текста «Записок» у Некрасова не было, но были конспекты, набросанные в то время, когда Волконский переводил ему написанные по-французски «Записки») и составлена поэма.

Если бы Некрасов ограничил свою роль переложением в стихи содержания «Записок», он как опытный стихотворец, как искусный версификатор легко справился бы со своей задачей.

Однако великий поэт революционной демократии поставил перед собой совершенно иную задачу — создать героическую поэму лиро-эпического типа о жене декабриста.

Не отступая, по возможности, от сюжетной линии «Записок», поэт считал возможным многое развить и углубить в их содержании, кое-что отбросить, а главное — внести в поэму немало своего, «некрасовского». Проследить, как вел Некрасов свою творческую работу над «Княгиней Волконской» — интереснейшая задача, которой следовало бы посвятить специальное исследование. Нам придется в дальнейшем только слегка коснуться ее.

В отношении идейной направленности своей поэмы Некрасов стоит на тех же позициях, что и в «Дедушке» и в «Княгине Трубецкой». Что же касается собственно образа кн. Волконской, в которой Некрасов видит героиню революционного долга, то он проясняется на протяжении всей поэмы. Вот почему характеристику героини удобнее всего связать с анализом композиции поэмы.

Создавая эту композицию, Некрасов не мог не следовать своему источнику, поскольку этот последний был положен им в основу содержания поэмы, но группировка материала по главам, акцентировка тех или иных моментов повествования были проведены им с полной самостоятельностью и замечательным искусством. Некрасов ведь хорошо понимал, что от группировки материала и акцентировки на тех или иных моментах повествования находится в непосредственной зависимости сила производимого поэмой впечатления. А так как в поэме он собирался выразить с максимальной четкостью свое политическое сredo, пропаганде которого было посвящено все его творчество, то вполне естественно, что он работал над композицией поэмы с особым усердием.

Поэма, как помнит читатель, распадается на 6 глав. Если в первых трех речь идет о событиях, предшествующих путешествию героини в Сибирь, то во вторых трех описывается самое ее путешествие, завершающееся свиданием с мужем в руднике.

В первой главе с особой подробностью излагается героическая биография отца Волконской, генерала Раевского, а заканчивается она краткими строками о выходе героини замуж, о ее семейной жизни и более подробным описанием уничтожения мужем компрометирующих его бумаг.

Во второй главе речь идет о рождении у героини ребенка и ее спешном отъезде из отцовской усадьбы в Петербург, куда она поехала, томимая неизвестностью, стремясь узнать об участии мужа. В Петербурге, узнав о случившемся с мужем, повидавшись с ним в тюрьме, княгиня принимает решение отправиться вслед за мужем в Сибирь, но наталки-

вается на, казалось бы, непреодолимое сопротивление всей семьи с отцом во главе.

В третьей главе продолжается описание борьбы княгини с семьей за ее право ехать к мужу. Исполняя отцовский приказ, она долго и мучительно думает над тем, что же должна делать. Эта глава имеет преимущественно общественно-психологический интерес. Анализируя свое чувство к мужу, княгиня приходит к убеждению, что выпавшие на долю мужа, патриота и революционера, страдания подняли ее любовь к нему на новую и высшую ступень. Если раньше она любила в нем прославленного генерала, если несколько позже полюбила в нем «отца малютки, рожденного» ею, то

Последнюю, лучшую сердца любовь

она подарила ему «в тюрьме».

В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Так относясь к своему мужу, княгиня не могла уступить и не уступила отцу.

Нет надобности доказывать, что если моральная сила Трубецкой сказалась в ее борьбе с губернатором, то моральная сила Волконской проявилась в ее борьбе с отцом. Это, несомненно, более трудная борьба. Ведь губернатор — только исполнительный чиновник, человек более или менее заурядный. Что же касается Н. Н. Раевского, то бороться с ним было очень трудно и потому, что он обладал огромной силой воли и потому, что он привык к безусловному повиновению окружающих, а главным образом потому, что в своих действиях он руководствовался глубокой привязанностью к дочери, искренним убеждением, что в ее же интересах остаться в родной семье. Но, повинаясь голосу не только личного чувства, не только супружеского долга, но и голосу долга общественного, княгиня выходит из борьбы с отцом победительницей.

Четвертая глава имеет своей целью показать, что у княгини есть союзники, одобряющие ее поступок, более того, преклоняющиеся перед ним. Эти союзники — лучшие представители русской интеллигенции, с которыми Волконская повстречалась проездом через Москву, на вечере, устроенном

в ее честь ее родственницей, кн. Зинаидой Волконской. Общее настроение собравшихся выразил А. С. Пушкин:

Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты...

В пятой главе, наравне с бытовыми картинами, рисующими жизнь «пустынного русского края», поэт решил показать — и показал! — отношение к своей героине народа. Не только к ней, но и к тем, к кому она ехала. В «Записках кн. М. Н. Волконской» есть вскользь брошенное упоминание о ночевке героини в «зимовье дровосека». Это упоминание состоит буквально из трех строк. В поэме же оно развернуто в рассказ о ночевке в избушке «каких-то убогих лесных сторожей», занимающий свыше 30 стихов. Он ярко рисует и бедность, и заброшенность «лесных жителей», а главное — их участливость и бескорыстие: они наотрез отказываются принять плату за ночлег: «Не надо, *родная!*¹ Бог вас защити».

Далее следует рассказ о встрече княгини с «серебрянкой», причем офицер, командовавший обозом, обошелся с княгиней, спросившей его о «жертвах декабрьского дела», нагло и презрительно, но ее пожалел простой солдат, нашедший для нее «доброе слово — не варварский смех».

Спасибо, солдатик! спасибо, *родной!*¹
Не даром я вынесла пытку!

Ничего, соответствующего этим словам, в тексте «Записок кн. М. Н. Волконской» нет. Они внесены поэтом, чтобы подчеркнуть и сочувственное отношение народа к героине и нараставшее в душе последней сознание того, что народ становится ей все более близким и родным.

Ту же цель, безусловно, преследует описание службы в убогом сельском храме. В «Записках» имеется лаконическая фраза: «Я зашла в первую встретившуюся церковь, чтобы отслужить благодарственный молебен». Некрасов развил ее в следующую яркую и эмоциональную картину:

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной,
Отслушав обедню, к попу подошла,

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — *толпа не ушла*¹...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, *народ мою грусть разделял*,¹
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,¹
Убитой душе необходимо.

Подчеркнутые слова свидетельствуют с полной определенностью, что одним из соображений, побудивших Некрасова ввести это описание, было стремление показать, что скорбь Волконской разделяется народом, ибо его сочувствие всецело на стороне «изгнанников».

Приведенных примеров достаточно, чтобы придти к выводу, что в планы Некрасова входило, наравне с образами индивидуальных героев (М. Н. Волконской, ее отца, ее мужа, Пушкина и т. д.), создать и коллективный образ — образ русского народа. Над созданием этого образа он упорно и успешно работал в «Дедушке»; к этому же образу вернулся в 5 гл. «Княгини Волконской»

Окончательную дорисовку этот образ получил в следующей, шестой главе. Эта глава, последняя, являлась, само собой, наиболее ответственной. Поэт, работая над ней, блестяще справился с тем трудным заданием, которое перед собой поставил. А задание это, прежде всего, заключалось в том, чтобы и образу героини, и образу народа, двум ведущим образам поэмы, придать достойное завершение. Оба эти образа получают свое завершение в сцене в руднике. То, что пришлось пережить Волконской при спуске в рудник и в самом руднике, рисует ее как человека, способного проявлять сверхчеловеческое мужество, безбоязненно рисковать жизнью, когда этого требуют личное чувство в соединении с еще более высоким чувством общественного долга. В то же время сцена в руднике подчеркивает революционную непримиримость героини. При виде оков на ногах мужа из уст ее исторгаются клеймящие слова по адресу Николая I:

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!). . .

Образ народа дорисовывает, конечно, не столько мелкая, но характерная подробность — доброта и бескорыстие часового, разрешившего княгине, вопреки приказу, спуститься в рудник («Не золото, внуки, и здесь помогло»), — сколько то лирическое отступление («Спасибо вам, русские люди!»), которое, по справедливости, считается одним из перлов революционно-демократической поэзии Некрасова. В нем содержится поистине неповторимый гимн в честь русского народа и его высоких моральных качеств. И опять-таки, сравнивая этот гимн с соответствующими строками «Записок кн. М. Н. Волконской», мы убеждаемся, насколько демократическое сознание Некрасова обогнало уже склонявшееся к демократизму, но не лишенное черт, присущих барыне-аристократке, сознание его героини.

Сцена в руднике, сверх того, очень важна в том отношении, что в ней подробнее, чем в каком-либо другом месте поэмы, даются образы сосланных декабристов, а прежде всего, образ самого Волконского, окруженный ореолом нравственного величия.

Мы позволили себе проанализировать композицию поэмы в связи с образами ее героев, чтобы наглядно показать, каким достижением русской реалистической литературы XIX века является эта поэма. Так тесно связано друг с другом содержание отдельных глав, так естественно и закономерно развивается в них действие, достигая временами высочайшего драматизма, так правдиво обрисованы общественно-психологические мотивы поступков действующих лиц, так глубоко жизненны, наконец, образы героев! На всем этом, может быть, не стоило бы останавливаться, если бы со стороны враждебной критики именно эта поэма Некрасова не была взята под особенно ожесточенный обстрел. Ведь именно ее Достоевский упрекал в фальши и глумился над сценой в руднике как вовсе неправдоподобной. Ожесточение враждебной критики, не знавшей, кстати сказать, насколько твердой была историческая основа поэмы («Записки кн. М. Н. Волконской» еще никому не были известны), еще раз подчеркивает ее реакционные тенденции. Ведь никогда еще (за исключением, быть может, «Несчастных», да и то с большими оговорками) Некрасов не изображал святости революционного подвига в таком поистине лучезарном ореоле.

Идейная направленность поэмы в связи с ее высокими художественными достоинствами обусловила ее исключитель-

ный успех в передовых кругах русской общественности, и Некрасов имел достаточно объективное основание сказать своему брату (в письме 1873 года): «Моя поэма „Кн. Волконская“, которую я написал летом в Карабихе, имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний¹. . . Литературные шавки меня щиплют, а публика читает и раскупает» (т. XI, стр. 240).

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.